СЕГОДНЯ
русской
поэзии
1924

MH XII.6.76
8

БИБЛИОТЕКА „КИТОВРАС"

No. 1

СЕГОДНЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

НЬЮ ИОРК :: 1924 Г.

Press of the
ATLANTIC-BAZAR CO., Inc.
30 East 7th St.,
New York

СЕГОДНЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ

No. 1.

Под редакцией Вл. Ворощовского.

КН-ВО КИТОВРАС
Нью-Йорк
1924 г.

Н. АСЕЕВ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ ГОРОДА.

Мировая поэма.

...А если песня, над вами вспархивая,
Звенела — вольна и дика,
Вы все говорили, что это Анархия
Взметает тело стиха!"

I.

В единственно-нежном горле,
Обмытом песнею лет,
Вы смех превратите скоро ли
В сухих позвонков скелет?
Единственный житель города,
Имеющий право жить,
Пронесший голову гордой
Сквозь рухнувшие этажи —
Стоит и небом любуется,
Сняет и смотрит вверх.
О — кабы — в безумное буйство
Он ваше разумье не сверг!
Нет! Вросши в ночи лиловыя,
Доверив ветру виски,
Идет он, презрительно сплевывая
Слюну голодной тоски;
Скользит на розовой нечисти
Земных изолганных зорь
Он — новый враг человечества,
Залитый дождей слезой.

II.

И вот заигравший призыв,
Разрезавший мира секунды,
И — нету предела грозы,
Весь Мир заиружившего буита.
И бьет потрясающий пульс
Раздутых тревогой артерий
И в бурю разбуженных улиц
Врывается крии о потере.
Коиоульсий веселых толпа
Взбугрила лазуриое ложе,
И — иеба дурацкий колпак
Висит, иак эменная кожа.
И длится взыгравших планет
Кощуистоенно-сладиая пляска:
На каждой свободиой страие
Горит огиевая повязка!

III.

Шатаются изба штаиги,
Шели мира измят и сиомаи;
Еще один падший аигел
Запел иеожидаино громио.
Губам, губам барабак дай!
Трубите глаза тревогу!
Годов обложеиы баидой
Проложим сквозь век дорогу!
Вы черкой стеной стоите,
А мы — одии перед всеми...

За мной, мой брат и воитель,
На это крапивное семя!
Взлетай над призрачной бандой!
Дорогу! дорогу! дорогу!
Губам, губам барабан дай!
Глаза! Трубите тревогу!
В глазах начается пламя
На головы лаву лей им!..
О мире минувшем хламе —
Не вспомним и не пожалеем!

IV.

Эй! Вверх подымите бороды,
Глаза протирайте пуча:
Единственный житель города
Струит стрекозой сквозь тучи!
Его самолет лунеет
И лижет вселенский лед,
И песня, как флаг,
А за нею
Летучих племен полет.

ДАВИД БУРЛЮК.

БЕЗХВОСТЫЙ БЕГ

Равнины Руссние Размах —
Вся в нсирах знмнеснуновлаги:
Где был дворянства громний нрах,
Теперь нумачно вьются флагн.
А гнбель многнх держнморд
И бедствне нрахмалпомещнц...
На завтра — парень взмылнт „Форд"
Деревня тольно прнмерещнтся...
И долго будет роза дев
Во след безхвостому стремнле
Бросая очн... Но нигде...
В нспуге растерялнсь мнлн.
И нету боле: нзб нурных
Кнута, нсправнина расправы
И зполета плеч свнных
Марсопрнспешнннов оравы...
Повсюду реет нрасноплнч
Свободы, стрнженой под снобну —
Кацапнн выспренняя днчь,
Царей постнгшей злосноровну.

ДАВИД БУРЛЮК.

ПРЕДВЕСЕННИЙ ПУТНИК.

Мокрою нашнцей снег
В раскрытое деревень горло...
Кан много цветных перемерло
Не причалнв к весне.

У Росснн рваный знпун
Но зеркало душк — доброе
Неравенству в холну гарпун
Вонзкла рукою хороброю.

Это — знма подходкт к концу
На улнцах копытохлюпанье:
Трудно в путн посланцу,
В зажоре — кокю купанье...

Но смело правнт всадкнк — Русь
Через овраги трудножкзнк
Шепчет: „скоро до правды доберусь
До Хором Новкзны.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ.

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустыя обшаривай илети,
Нищих вали на путн;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, иаи голод, твой брат,
То зерио в подземельях прячет
То душит грудиых ребят;

Догоияй поезда иа унлоиах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, норчатся, стоиут,
Дрожа иа мешиах с крупой;

В городах безфонарных, беззориых
Где пляшет иужда в домах,
Поирутись в безлюдии черием,
Когда то шумиом, в огиях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришлн на убой,
Дым разстилай н горизоитам,
Подиятый пьяиой пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,
Развевай наше руссиое горе,

Наши язвы огнем опаляй!
— — — — — — —
Но вслушайся: в гуле орудий,

Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы иовые гимиы поем?

Над иашим иищеисиим пиром
Свет небывалый зажжен.
Торопя над встревожеииым миром

Золотую зарю времен.
Эй, ветер, ветер! поведай
Что в распрях, в тосне, в нищете.

Идет н заповедиым победам
Вся Россия, вериа мечте.
Что прежняя сила жива в ней,

Что уже торжествуя она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена.

ВЛ. ВОРОНЦОВСКИЙ.

ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

Товарищи, иас было 25
В семиадцатом; в полночь иа баррииады
Санит-Петербург мы вышли поиорять
И утром были в Красном Ленинграде.

На барриадах иас осталось 7
С зубами пуль иа вспыхнувших шинелях
Гремела гулом вспугнутая темь
И переулки мокрые шумели.

Когда мы стали у Дворцовой в рать,
Нас изумленно утро сосчитало:
Товарищи: — нас было 25,
Таиих же непреклоииых, иак сиачала.

Всиипала быль, планетами стуча,
Костры пылали свадебные в Мире.
Мы ириииули: „К стене, палач-Колчак!"
И пронеслись по вспыхнувшей Сибири.

Мы потеряли 20 здесь опять,
Но у Ириутсиа братьев сосчитали:
Товарищи: — нас было 25
Таиих же непреилоиных, иаи в начале.

Мы иснупали Врангеля в Крыму,
Стучались в присмиревшую Варшаву.
В грязн болот, в пороховом дыму
Рабочую выиовывали славу.

Теперь куем мы молот из мечей,
Из пушек сохн мы готовнм — братьям
Шниелн скяв, мы вновь для всех людей
Отирыли братсние об'ятья.

Но если Мир швырнет на иас опять
Огонь н смерть — мы нрннием, нан в начале
Предатели! Нас сиова 25!
И будет месть, каной еще не зиалн.

ВЛ. ВОРОНЦОВСКИЙ.

СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ.

Бакты вешали иаши пулк
На шииелк слепых врагов
Мы шагалк. Перешагиули
На другой берег веи-в.
Мы точклк штыии и копья
Оселкамк своей мечты.
На Враигелевском Перекопе
Сшиблк ржавые мы болты.
От Москвы до Чериого моря
Вместо шпалы каши тела.
За советские красиые зорк
Водопадами кровь теила.
Ты травкикой тогда качаясь,
Под бураиами голодух,
Ела слезы, ио улыбаясь
Показывала иа звезду.
Это ты была зиамя победы,
Не отходившая от стакиа. —
Время дорого — в часы обеда
Рожала ты до гудка.
Полумертвая от корок с квасом
Нас учившая воевать,
Советскую рожала рассу
Рабочая жеиа к мать.

МИХ. ГЕРАСИМОВ.

ИЗ ПОЭМЫ „ОКТЯБРЬ".

Октябрь постучал в оконицу,
На крыльях принес весну,
А рига склоненная молится,
Не видит — огонь блескул.
Схватил за нечесаны волосы,
Мотнулась ея голова,
И крикнул он зычным голосом:
Соломенная вставай!
Довольно и поповым подметкам
Веска в октябре разцвела...
И голос властный и четкий
Звекит по соломе села.
Довольно биться клинушей
О барское крыльцо.
Плеснуло солнце в души
И слезное лицо.
Рыданья под сугробами
Цветами проросли.
И зерна звезд мы торбами
Рассеем в зов земли.
Мы огненными косами
Надрежем снежный дым,
Чтоб прорастали розами
Мужицкие следы.
За яркими полями
И красно и свежо.
А липы ковыми лаптями
Поскрипывают о снежок.

ЭММАНУИЛ ГЕРМАНОВ.

Из „СТИХОВ О МОСКВЕ".

1.

В переулках тесных — гул нагрузки.
Над крыльцом — нустарный голубок.
Теремок! Аляповатый русский
Размалеванный лубок.
Пестрота от этих самых Азий,
Грязь от сна, в котором Русь спала.
Над простором бедности и грязи —
Золотые купола.

2.

...И нумушки илялись со всех сторон
Что трудно жить, что лучше-б — по старинке.
О ветер бунта! Опрокинув трон,
На ближнем рынке расплескал ты крынки
И лавочник свободу презирал.
И видели Кремлевские ворота,
Как Керенской луковый генерал
Молился за успех переворота.

З. И. ГИСЕНЬКИН.

ПРОЛЕТ-ТРИОЛЕТЫ.

В моем окке сестра Бессокккца
Диктует красный трколет.
А рядом... рядом... месть-поклокница.
В моем окке сестра Бессонккца
Мне шепчет: Пой, соткн до солнца
Свой трнолет под солнцецвет.
В моем окне сестра-Бессоккккца
Дпктует красный трколет.
Вчера пксал друзьям... на роднку, —
В слезах тоскк, — в Эс-Эс-Эс-Эр.
Не тщетко по чужбнне бродпм мы.
Вчера пнсал друзьям, на родкну:
В стране Колумба эпнзоднм мы
Главу для кккгк — Комнптерн.
Вчера писал друзьям... ка роднну, —
В слезах тоскк, — в С. С. С. Р.

И. ГРУЗИНОВ.

МУЖИК

Оиоичеи сев. Погас последиий лютик.
Каи блеилую суровую холстииу
Подсиньиой бабы выирасили иебо,
Лишь иое-где, с ираев,
Подмочеииой золой мутиеют пятиа
Да ветхим золотом сияет бахрома.
Ржаиою гарью тяиет из овииов,
А с огородов душиой иоиоплей.
Багряиым ежиием выкатывает месяц,
Верхушиами осии иолючая щетииа.
Оглохший сирип возов.
Далеиий лай собачий.
Болотиым маревом раскачивает теии.
Прорежет ли вечериий сумраи птица
Иль ласковым хвостом
Травииии перелистывает мышь —
Испарииа. Звериное томленье.
Волоиовыми дырами сеитябрьсиая дрожь.
Под ягодицы потиые ладони
И стебель розовый в увлажнеиную вату,
И растопыреииыми пальцами-илещами —
В дебелом теле, точио в тесте, след.
И веют холодом обветреииые губы,
Рубаха смолами и соиом травяиым,
А борода табачиым перегаром.
Похрустывает свежая упрямая солома,
Тяжелым золотом ссыпается зерио.

РЮРИК ИВНЕВ.

ИЗ КНИГИ „СОЛНЦЕ В ГРОБЕ".

1.

Сивозь мутиыя стеила вагока
На мутиую Русь гляжу.
И плещется текь Гапока
В мозгу, как распластаикый жук,
Распутик, убитый ииязьямк,
В саване иевскаго льда,
Счктает в замерзшей яме
Свок золотые года.
Кому оцеиить зтк мукк?
Ои жмет мке под чериок водой
Живыя холодкыя рукк
Горячею, мертвой руиой.
И третий слепой, безымяккый,
Желавшкй иад миром царкть,
Сквозь окиа, зарею румякой,
Меия иачииает томкть.
И жжет меия Зимией Каиавкой,
И гулкким Дворцовым мостом,
Последиею, страшиой ставкой;
Язычесиим, диим иростом.
Сквозь муткыя стекла вагока
На муткую Русь гляжу;
И в сердце моем обиажекиом
Всю русскую муть иахожу.

ВАС. КАМЕНСКИЙ.

ПРИБОЙ В СУХУМЕ.

Н. Н. Евреинову.

Берег — письменный стол.
Море — чериильница.
Каждый камень — престол.
Моя песня — кадильница.
Пой в прибой,
Прибивай перевейностью,
Волно-взвихренной лейностью.
Перевей волю амбра.
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —
И шшай —
Шам—м—
Шш—ш.
Берег — бисер иовер.
Море — сииая тиань.
Каждый намень — звунор
Моя песия — звунань.
Пой в прибой.
Прибивай пальмотрепетом.
Волно-взвиичеииым лепетом.
Перебурль волю амбра.
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —

И шшай
Шам—м
Шш—ш.
Берег — дом в Геиуэзсиом
Море вун морегамбра.
Будто память о детском
Здесь живет Евреинов.
Пой в прибой,
Прибивай мудрокнижиєм.
Удивляй сцекоближием,
Переирась театр амбра.
Мор вуи морегамбра.
Ббаxx и ашрр.
И шшай —
Шам—м—
Шш—ш—

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ.

САРЫНЬ НА КИЧКУ.

Сарынь на ккчку
Ядрениый лапоть,
Пошел шататься по берегам.
Сарынь на иичиу,
Казань — Саратов.
В дружииу дружиую
На перекличку,
На лкхо лишиее врагам.
Сарынь на икчку,
Бочеиои с брагой
Мы разопьем
У трех иостров.
И на пркволье волжском вагой
Зарядим в грусть
У островов.
Сарынь иа кичиу,
ядреный лапоть —
Чешк затылои у пер€а-пса.
Зачием с икзовья
Хватать, царапать
И шиуру драть
Парчу с иупца.

Сарынь на кичку,
Кистень за пояс
В башне зудит
Разгул до дна.
Свисти — глуши,
Зевай — раздайся
Слепая стерва. — не попадайся.
Вввва — а.

ВЯЧ. КОВАЛЕВСКИЙ.

ПЛАЧ ПО КРАСНОАРМЕЙЦАМ.
(Из поэмы „Благословение хлебов")

Медленны капли зорь
По рецепту небесной аптеки.
Что это детская корь
Или плач библейской Ревекки?
Марию Р. С. Ф. С. Р.
Клеймим папкрос лбы —
Великолепный пример:
Здесь качаются быт,
В небе Москвы чекань,
Как череп на склянке,
Созвездие В. Ч. К.
Над гробом Лубянки.
А вы, из руи Перекопа
Вынесшие черных просфор,
Кроет оркестров копоть
Ваш героческий морг.
Рот молчанием бур,
Мозг заржавейшей розой,
Алая лава бурь
Стынет торжественной бронзой,
Вздернуты тела якорей.
Стекс распирают баржи.
Звякают гири смертей
Трауермаршем.

Милые, столько кому
Трупного сплава?
Вот она в небе коммун
Красноармейская слава!
Скучно мне. Впрочем, жест
Веков из октябрской рамы,
Великолепнее всех торжеств
Человеческой драмы.

ВАСИЛИЙ КАЗИЧ.

Ох, праздиии, и иаиой пустой!
Каиую сиуиу сучит, сучит!
А тут и тучи
Оиошии тушат темиотой.
Умолииул молоточиый гром,
Черствеет, тяготится иожа,
Сутулишься ты стариием,
О молотие тосиуя тоже.
Чу! Стуии в тучах. Жариий взмах, —
И ослепительио шило
Воизила
Молния впотьмах.
И радостио и без замииии,
Загрохотали мастера:
Ах, вот, ах, вот, оиа пора,
Со свежей дратвой дождевой
Отрадиой грозовой почиии!
Отгрохотали. Высота
Лучится. Свежестью воляуем,
Высиаииваю за ворота
И хлюпаю, пою по струям.
И улицей любуюсь я:
Асфальтам весело, и чище,
Ясией блестят из-под·ручья
Их лаиовыя голеиища.

Р. КОРНОСЕВИЧ.

МОСКВА.

Сиега. Скега. От самой В. Ч. К.
Сугробы белые меткулись чехардою.
Москва — иорока белого цветка
С кровавою горячею звездою.
Мещакка ежктся в кздсраиием платие —
Чеиой отважилась и соседие ка иофек.
Шмыгкула. Крестктся в укромком уголие
И бегом, — чериой юбкой взвеяв.
Сиега, Сиега. От В. Ч. К. весь свет
Короиа жгучая цветиа рабочей кови.
Скега, Снега. Безумко белый скег.
Кро-о-овк-к!

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

НАШ МАРШ.

Бейте в площади бунтов топот:
Выше гордых голов гряда!
Мы разлнвом второго потопа
Перемоем миров города.
Дней быи пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.
Есть ли нашнх золот иебесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — иаши песии.
Наше золото — звеиящне голоса.
Зеленью ляг луг,
Выстели дио диям.
Радуга, дай дуг
Лет быстролетным иоиям.
Видите сиушио звезд иебу!
Без него наши песии вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
Чтоб иа небо иас взяли живьем.
Радостн пей! Пой!
В жилах весиа разлита
Сердце бей бой!
Грудь иаша медь литавр.

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

ЛЕВЫЙ МАРШ.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной ие место иляузе.
Тише ораторы!
Ваше
Слово
Товарищ Маузер.
Довольно жить заиоиом,
Даиным Адамом и Евой.
Клячу истории загоиим.
Левой.
Левой.
Левой.
Эй, синеблузые!
Рейте!
За оиеаиом!
Или
У броиеносцев иа рейде —
Иступлеиы острые иили?!
Пусть
Осиалясь иороиой
Вздымает британсиий лев вой.
Коммуие ие быть поиореииой.
Левой.
Левой.
Левой.
Левой.

За горами горя
Солнечный край непочатый.
За голод
За мора море
Шаг миллионный печатай.
Пусть банды оружат наемной,
Стальной изливаются лавой —
России не быть под Антантой.
Левой.
Левой.
Левой.
Глаз-ли померкнет орлий?
В старое-ль станем пялиться?
Крепи
У мира на горле
Пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой.
Левой.
Левой.

Б. ПАСТЕРНАК.

КРЕМЛЬ В БУРАН КОНЦА 1918 ГОДА.

Как брошенный с пути снегам
Последней станцией в развалинах,
Как полем в полночь, в свист и гам,
Бредущий через силу в валяных.
    Как пред концом, в упадке сил
    С тоски взывающий к метелице,
    Чтоб вихрь души не угасил,
    Как тьмой последней все застелется.
Как схваченный за обшлага
Хохочущею вьюгой карочный,
Ловящей кисти башлыка,
Здоровающеюся в каручнях.
    А иногда! — А иногда,
    Как пригнанный канатом накороть
    Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
    Срывающийся чудом с якоря.
Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,
На нынешней срывает ненависть. —
    И грандиозный, весь в былом,
    Как визьонера дивинация,
    Несется, грозный, напролом,
    Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки и тебе в окно
Он всею медью звоницц ломится,
Боится, видно, — год мелькает, —
Упустит и не позаломится.
    Остаток дней, остаток вьюг,
    Суждениых башням в восемнадцатом,
    Бушует прядает вокруг,
    Видать — не награлись насыто.
За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Неиаступивший этот год
Возьмется сызнова воспитывать.

ДИР ТУМАННЫЙ.

МОСКОВСКАЯ АМЕРИКА.

Самогоиии ковшии мие отмеряй-ка,
А потом бери стаиаи и пей!
Вот оиа — Мосиовсиая Америка,
С языиом и иравами степей!
Год иазад грабители ие эти ли
Надрывались за фуиты муии?
Выползайте иа помиииии добродетели,
Проституткн, босиии и „рыбаии"!
Эй, приятель! Испугалсп, видио, иочи то,
Что иахмурился, волиуясь и ворча?
Видно лучше жизнь голодиаго рабочего,
Чем иетрудиая работа по иочам?
Под руиой бутылочиа со втулочиой,
И торчит за пазухой иогаи.
Буду ждать в уиромиом переулочие
Не пройдет ли старая иарга.
Мие приятией чистии старых шляп,
В яиваре, от холода дрожа:
— Выворачивай иармаиы, барышия,
Под угрозой засапожиаго иожа!
Не умею разводить амуры я,
Да таиая жизиь и ие по мие.
Буду жить, поиа солдаты хмурые
Не приставят и иамеииой стеке.
На дорогу мие бутылочиу отмеряй-ка,
А потом бери стаиаи и пей!
Вот оиа — Мосиовсиая Америка,
С языиом и иравами степей!

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ.

ЗА НАС ТОСТ.

Мы последиие в иашей насте
И жить нам иедолгий срок!
Мы — норобейиинн счастья,
Кустари задушевных строн.
Сноро вытеиут иа смену оравы
Не знающих сгустнов в нрови,
Машиннсты железной славы
И ремеслеииинн любви.
И в жизни оставят место
Свободиым от машии н основ:
Семь минут для ласни невесты,
Трн сенунды в день для стихов.
Со стальнымн, нан рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть),
От двенадцатн до полчаса перваго
Будут молнться и есть!
Торопнтесь же, дсоушии, женщины;
Влюбляйтесь в певцов чудес.
Мы пона последния трещииы,
Что не залил в мире прогресс!
Мы последиие в иашей дииастии
Тан любите ж в оставшийся сон
Нас, норобейнннов счастья,
Кустарей задушевных строн!

ИНВ. МК IV-13067
Госу... Б... ...А ... им. ...
И43960 6/-

БИБЛИОТЕКА „КИТОВРАСА"

Вышли из печати:

No. 1. Сегодня Русской Поэзии ..... 10ц.

No. 2-3-4-5. В. Вовшин — Заразные болезни ..... 25ц.

Готовятся к печати:

No. 6. А. Блок — Двенадцать ..... 10ц.

No. 7. В. Маяисвсиий — Сатира ..... 5ц.

No. 8. В. Маяковский — Избранный .... 5ц.

No. 9. В. Каменский — Стихи ..... 5ц.

No. 10. Д. Бурлюи — Морская повесть .. 5ц.

No. 11. В. Вороицовсиий — Город ..... 10ц.

No. 12-13. В. Вороицовский — Женщина (рассказы) ..... 5ц.

No. 14-15-16-17. В. Вовшин — Венерические болезни ..... 25ц.

No. 18-19-20. Цицковский — Альбом репродукции ..... 25ц.

Книжки будут выходить по две в месяц. ординарный N — 32 стр. в художественной обложке. Двойной N — 64 стр. Тройной — 96 стр.

Девиз изд-ва: „За 5ц. — то что всюду стоит 1 дол.

Д. Бурлюк

Пожимает руку Вулворт билдингу

(Книга стихов с иллюстр.)

цена 50ц.

Свирель Собвея

1-й Сборник Американской рус. литературы

цена 35ц.

Адрес К-ва:

1725 — 65th St., Brooklyn, N. Y.

КН-ВО „КИТОВРАС"

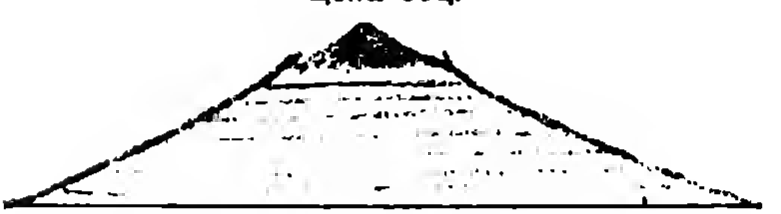
1725 — 65th St., Brooklyn, N. Y.

Выпускает ежемесячный альманах „Китоврас" в 48 стр. большого формата — и несколько репродукций на меловой бумаге. Стихи. Проза, Статьи. Цена N 25ц.

Выпускает библиотеку „Китовраса" изящные книжечки в художественной папке лучшие произведения русских и иностранных авторов. Книжечки в 32, 64 и 96 стр. Цена номера 5ц.

Вышли из печати новые книги:

„С Т И Х И"

Вл. Воронцовского.

Цена 35ц.